

Научная статья
УДК 347.41
doi: 10.17223/15617793/510/23

Гражданско-правовые последствия исполнения поручителем обязательства

Владислав Викторович Груздев¹

¹ Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, gruzvlad@rambler.ru

Аннотация. Исследованы гражданско-правовые последствия исполнения поручителем его обязательства перед кредитором. Охарактеризованы потери поручителя в связи с исполнением обязательства. Сделан вывод, что в действующем гражданском законодательстве использованы одновременно обе модели (суброгационная и регрессная) восстановления имущественного положения поручителя, который понес затраты на совершенное в пользу кредитора предоставление. Показаны сходство и различия договора поручительства и куммулятивного принятия долга.

Ключевые слова: поручительство, суброгация, регрессное обязательство, исковая давность, перевод долга

Для цитирования: Груздев В.В. Гражданско-правовые последствия исполнения поручителем обязательства // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 510. С. 214–218. doi: 10.17223/15617793/510/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/510/23

Civil-law consequences of the surety's performance of an obligation

Vladislav V. Gruzdev¹

¹ Moscow City University, Moscow, Russian Federation, gruzvlad@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the regularities of civil law regulation of public relations arising in the field of restoration of the property status of the surety, who incurred the costs of the provision made in favor of the creditor. The study aims to identify the essence of the civil-law consequences of the fulfillment by the surety of their obligation to the creditor. Taking into account this aim, the following research objectives are set: to characterize the losses of the surety in connection with the fulfillment of the obligation; to identify the models used by the modern legislator to restore the property status of the surety, who incurred the costs of providing services in favor of the creditor; to discover the similarities and differences between the surety agreement and cumulative debt acceptance. The methodological basis of the research consists in the application of general scientific and spacial scientific methods of cognition, including historical, systemic-structural, and formal-legal ones. As a result of the conducted research, the following main conclusions were made. The fulfillment by the surety of an accessory obligation does not release the debtor from the fulfillment of the main obligation, in which the surety, who satisfied the previous creditor, quite logically takes the place of the new creditor. Another matter is the loss of the surety in connection with the performance of the security obligation, in particular, the loss of the opportunity to use the funds paid to the lender, as well as losses (execution costs, lost profits, etc.). They form the scope of responsibility not of the surety for the debtor, but of the debtor to the surety within the framework of protective legal obligations that are not directly related to the main obligation. As a result, in order to restore the financial position of the surety, who incurred the costs of the provision made in favor of the creditor, the modern legislator uses two legal models simultaneously: the surety takes over in the order of singular succession to the place of the creditor in the remaining main obligation («subrogation model»); since the surety is held liable for violation of the principal obligation by the debtor, a recourse obligation arises between the specified parties, the subject of which is the payment to the surety of interest on the amount paid to the creditor and compensation for losses incurred in connection with the specified liability ("regression model"). Despite the legislator's use of the term "debt transfer", the creditor enters into an independent obligation with the cumulative debtor, which differs from the obligation with the original debtor. The obligation of the cumulative debtor is joined to the obligation of the original debtor, which remains in the same form, which brings the guarantee agreement and the cumulative acceptance of the debt closer. Unlike a surety agreement, cumulative debt acceptance generates an obligation that is neither accessory nor conditional.

Keywords: surety, subrogation, recourse obligation, limitation period, debt transfer

For citation: Gruzdev, V.V. (2025) Civil-law consequences of the surety's performance of an obligation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 510. pp. 214–218. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/510/23

Исполнение поручителем обязанностей в пользу кредитора приводит к динамике обеспечиваемой поручительством правовой связи. Подобная динамика призвана в максимальной степени обеспечивать восста-

новление имущественного положения поручителя, который понес затраты на совершенное предоставление по причине неисправности должника. Возникает проблема выбора адекватных юридических механизмов, позволяющих сохранить баланс интересов всех участников к поручительству лиц.

В цивилистике известны два направления решения означенной проблемы – суброгационный и регрессный [1. С. 94–121]. Их правильная оценка связана с необходимостью параллельного исследования правовой природы требований, которыми располагает исполнивший обязательство поручитель. Для этого целесообразно проследить историю развития рассматриваемого института в отечественном праве.

Согласно ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. поручитель, исполнивший главное обязательство, приобретает право на обратное требование с должника. Характеризуя указанное требование, составители проекта отмечали, что, во-первых, поручитель имеет право на возмещение со стороны должника всего того, что уплачено по поручительству, и, во-вторых, поручитель, будучи поставлен перед необходимостью удовлетворить верителя, может понести значительные убытки, которые также справедливо взыскать с должника [2. С. 292].

Бесхитростно решался вопрос советским законодателем. В силу ст. 246 ГК РСФСР 1922 г. поручитель, исполнивший обязательство вместо должника, становится на место кредитора по главному обязательству. Аналогичное положение содержалось в ст. 206 ГК РСФСР 1964 г., согласно которой к поручителю, исполнившему обязательство, переходят все права кредитора по этому обязательству. В гражданско-правовой науке того времени отмечалось, что поручитель, исполнив основное обязательство, становится на место первоначального кредитора, требования которого переходят со всеми их обеспечениями [3. С. 223].

Пункт 1 ст. 365 ГК РФ определяет последствия исполнения поручителем обязательства следующим образом: 1) к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора (первое предложение); 2) поручитель вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника (второе предложение). Приведенные нормы, предусматривая *вариативность* восстановления имущественного положения поручителя в зависимости от характера его потерь, сильно напоминают положения ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г. Какой же подход избран современным законодателем в целях определения правовых последствий исполнения поручителем обязательства перед кредитором?

В литературе бытует мнение, что исполнение поручителем основного обязательства за должника во всех случаях приводит к прекращению данного обязательства. На этом основании делается вывод, что суброгация поручителю прав кредитора в несуществующем обязательстве невозможна в принципе [4. С. 63, 200].

Оценивая рассуждения подобного рода, важно учитывать, что обязательство поручителя – это самостоятельное обязательство, которое является придаточным к обязательству должника. Совершая имущественное предоставление в пользу кредитора, поручитель исполняет *собственное* обязательство, а не обязательство должника. Поручитель не считается обязанным исполнить обязательство должника, а несет ответственность в случае, если такое обязательство окажется неисполненным [5. С. 301].

Надлежащим исполнением, прекращающим обязательство в соответствии со ст. 408 ГК РФ, является исполнение должника или привлеченного им третьего лица. Поручитель не является ни должником в основном обязательстве, ни третьим лицом, на которое должником в порядке поручения возложено исполнение основного обязательства. Поэтому совершенное поручителем в пользу кредитора имущественное предоставление прекращает только обязательство данных субъектов. Обязательство, которое обеспечивалось поручительством, остается по-прежнему неисполненным.

Следовательно, исполнение поручителем акцессорного обязательства отнюдь не освобождает должника от исполнения основного обязательства, в котором на место нового кредитора вполне логично заступает поручитель, удовлетворивший прежнего кредитора. Требование поручителя к должнику не является регрессным, права кредитора по основному обязательству переходят к поручителю в порядке суброгации¹.

Другое дело – потери поручителя в связи с исполнением обеспечительного обязательства, в частности утрата возможности пользоваться денежными средствами, уплаченными кредитору, а также убытки (расходы на исполнение, упущенная выгода и т.п.). Они образуют объем ответственности не поручителя за должника, а должника – перед поручителем в рамках охранительных правоотношений, которые напрямую не связаны с основным обязательством. Речь идет о нарушении должником права не кредитора, а поручителя. Такое нарушение может приурочиваться лишь к моменту исполнения обеспечительного обязательства в определенной сумме (более чем очевидно, что поручитель обязан нести затраты на исполнение акцессорного обязательства всегда после допущенного должником нарушения, запустившего течение давностного срока по требованиям кредитора в основном обязательстве). В противном случае ущемляются интересы поручителя, который лишается возможности восстановить свое имущественное положение в полном объеме и в течение общего срока исковой давности.

Таким образом, расходы поручителя за пределами суммы фактически уплаченного кредитору не имеют отношения к обязанности должника перед кредитором, а поэтому в принципе не могут входить в объем ответственности поручителя. И поскольку никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам, постольку переход к поручителю в порядке правопреемства отсутствующего у кредитора притязания полностью исключается.

С указанных позиций требуют осмысления следующие интерпретационные правила, закрепленные в

абз. 1, 2 и 3 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45:

«К исполнившему обязательство поручителю в соответствующей части переходят принадлежащие кредитору права, в том числе право требовать уплаты договорных процентов, например процентов за пользование займом, неустойки за нарушение денежного обязательства по день уплаты денежных средств должником, а если такая неустойка не предусмотрена законом или договором, то процентов на основании ст. 395 ГК РФ (первое предложение п. 1 ст. 365, п. 1 ст. 384, п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Вместо суммы, определенной в указанном выше порядке, поручитель вправе потребовать от должника сумму фактически уплаченного кредитору, а также проценты на основании ст. 395 ГК РФ, начисленные на эту сумму (второе предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ).

Как в первом, так и во втором случае переход прав кредитора к поручителю, исполнившему обязательство перед кредитором, не влияет на течение срока исковой давности по требованиям к должнику (ст. 201 ГК РФ)».

А как же потери поручителя, которые не связаны с предметом основного обязательства, нарушенного должником? Во втором предложении п. 1 ст. 365 ГК РФ имеются в виду именно такие потери, которые не входят в сумму фактически уплаченного кредитору. Высшая судебная инстанция, придерживаясь суброгационного подхода, по сути, не раскрывает действительный смысл данной нормы, что является серьезным упущением. Между тем проценты на сумму фактически уплаченного кредитору, а также убытки, понесенные в связи с ответственностью за должника (расходы на исполнение, упущенная выгода и т.п.), как лежащие за пределами ответственности поручителя, являются предметом его самостоятельных притязаний к должнику.

Во-первых, поручитель располагает вовсе не альтернативной возможностью выбора между взысканием с должника сумм, определенных в соответствии с нормами первого или второго предложений п. 1 ст. 365 ГК РФ, а двумя разными по правовой природе группами требований к должнику. Требования первой группы возникают у кредитора в обеспеченном поручительством обязательстве и переходят к исполнившему данное обязательство поручителю в порядке сингулярного правопреемства, а требования второй группы возникают сразу у поручителя в охранительных правоотношениях, не являющихся акцессорными обязательствами. Поэтому поручитель вправе требовать с должника сумму убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника, не *вместо* суммы, определенной в предусмотренном абз. 1 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 порядке, а *наряду* с этой суммой.

Действительно, во втором предложении п. 1 ст. 365 ГК РФ упоминается о праве поручителя требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, что создает иллюзию чрезмерности взыскиваемого с должника. Но и по данному вопросу воля законодателя предельно ясна: должник обязан немедленно возместить поручителю утраченные последним

денежные средства, а при нарушении этой обязанности уплатить в качестве имущественной санкции проценты за пользование такими средствами в соответствии со ст. 395 ГК РФ, т.е. *независимо* от уплаты процентов, начисляемых в связи с основным обязательством (договорных процентов, например процентов за пользование займом, неустойки за нарушение денежного обязательства по день уплаты денежных средств должником, а если такая неустойка не предусмотрена законом или договором, то процентов на основании ст. 395 ГК РФ). Снова нет никакой альтернативы, а имеется в виду присоединение к перешедшим от кредитора правам («поручитель также вправе требовать») *нового* требования, которое возникло вследствие просрочки должника в исполнении денежного обязательства перед поручителем.

Вывод о *кумулятивном* характере притязаний, принадлежащих поручителю по разным основаниям, подтверждается положениями ст. 1026 проекта Гражданского уложения Российской империи 1905 г., которые недвусмысленно предусматривали, что право исполнившего обязательства поручителя охватывает: 1) капитальную сумму долга; 2) проценты на нее; 3) судебные издержки; 4) узаконенные проценты на уплаченную поручителем сумму со дня уплаты, хотя бы долг был беспроцентный, и вообще на все им израсходованное; 5) понесенные поручителем убытки.

Во-вторых, срок исковой давности не может исчисляться одинаково по всем требованиям исполнившего обязательство поручителя.

При солидарной ответственности срок исковой давности следует исчислять с момента наступления срока исполнения основного обязательства.

В случае же субсидиарной ответственности поручитель обязан исполнить в пользу кредитора лишь после того, как установлено уклонение должника от исполнения обеспечиваемого обязательства (п. 1 ст. 399 ГК РФ). В таких условиях несправедливо исчислять исковую давность до получения отказа должника исполнить требование кредитора или истечения разумного срока после предъявления кредитором требования к должнику об исполнении обязательства.

В обоих случаях, на самом деле, нерационально приурочивать начало течения давностного срока к моменту исполнения поручителем своего обязательства перед кредитором. При подобном решении вопроса начало течения исковой давности оказывалось бы в полной зависимости от усмотрения поручителя. В частности, поручитель, оттягивая исполнение акцессорного обязательства, не рискует получить заданное требование по основному обязательству, что, наряду с прочим, отнюдь не способствует скорейшему удовлетворению интересов кредитора.

Прямая противоположность – требование поручителя о взыскании сумм, не имеющих отношения к праву кредитора по основному обязательству (процентов на уплаченную кредитору сумму, а также убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника). По данному требованию срок исковой давности применительно к п. 3 ст. 200 ГК РФ следует исчислять с момента, когда поручитель понес соответствующие затраты. В противном случае исковая давность начинает

течь до нарушения права, что сокращает ее срок в ущерб законным интересам поручителя, например, при взыскании с должника убытков, проявивших себя через некоторое время после исполнения обеспечительного обязательства.

Учитывая изложенное, потери поручителя, находящиеся за пределами его ответственности, но вместе с тем возникшие при исполнении обеспечительного обязательства, необходимость которого (исполнения) вызвана неисправностью должника, надлежит перекладывать на последнего как «виновника торжества» в порядке регресса. Использование модели суброгации, помимо прочего, приводит к несправедливому для поручителя определению момента начала течения давностного срока по иску о взыскании потерь, не являющихся суммами фактически уплаченного кредитору.

Кроме того, регрессное обязательство между поручителем и должником возникает, когда исполнивший основное обязательство должник не извещает об этом поручителя, в результате чего последний исполняет обеспечительное обязательство, которое уже прекратилось². Суброгация прав кредитора здесь исключается, поскольку нет правоотношения, которое могло бы подвергаться соответствующему внешнему изменению.

Таким образом, должника и поручителя связывают с кредитором разные правоотношения, несмотря на указание закона о солидарности (субсидиарности) ответственности. Поручитель исполняет собственное обязательство перед кредитором, прекращая тем самым данное обязательство, а не обеспечиваемое поручительством правоотношение. Как следствие, поручитель заступает в порядке сингулярного правопреемства на место кредитора в сохраняющемся основном обязательстве (первое, «суброгационное» предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ). Вместе с тем, поскольку поручитель привлекается к ответственности по причине нарушения основного обязательства должником, между указанными лицами возникает регрессное обязательство, предметом которого является уплата поручителю процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещение убытков, понесенных в связи с указанной ответственностью (второе, «регрессное» предложение п. 1 ст. 365 ГК РФ).

На практике при определенных обстоятельствах возникает вопрос об отграничении договора поручительства от кумулятивного перевода долга, важный в том числе в аспекте восстановления имущественного положения лица, удовлетворившего требование кредитора.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 391 ГК РФ в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга может быть произведен по соглашению между кредитором и новым должником, согласно которому новый должник принимает на себя обязательство первоначального должника.

В абзаце 2 п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» разъяснено, что в случае, если неясно, кумулятивный перевод долга или поручительство согласованы кредитором

и новым должником, осуществляющими предпринимательскую деятельность, следует исходить из того, что их соглашение является договором поручительства.

Несмотря на использование законодателем термина «перевод долга», кредитор вступает с кумулятивным должником в самостоятельное обязательство, отличающееся от обязательства с первоначальным должником. Речь идет, собственно, не о переходе долга от первоначального должника к новому должнику, а о возникновении у кумулятивного должника нового долга, не зависящего от долга первоначального должника. Обязанность кумулятивного должника присоединяется к обязанности первоначального должника, которая сохраняется в прежнем виде. В пользу приведенных выводов, сближающих в определенной мере кумулятивное принятие долга и договор поручительства, свидетельствуют следующие соображения.

В соответствии с нормами п. 3 ст. 391 ГК РФ исполнение новым должником обязательства не приводит к прекращению обязательства прежнего должника, и новый должник в порядке суброгации приобретает права кредитора к первоначальному должнику. Но если бы первоначальный должник и новый должник были содолжниками в одном обязательстве, тогда исполнение солидарной обязанности новым должником само по себе освобождало бы первоначального должника от исполнения, причем любой из этих субъектов (не только кумулятивный должник) мог претендовать на восстановление другим имущественного положения в порядке регресса (ст. 325 ГК РФ). Очевидно, это противоречит сути данного института.

Кроме того, кумулятивный должник, без согласия которого изменено обязательство первоначального должника и кредитора, должен исполнить свое обязательство на прежних условиях, что абсолютно немыслимо, если кумулятивного и первоначального должников признавать множественными субъектами одного обязательства.

В отличие от договора поручительства кумулятивное принятие долга порождает обязательство, не являющееся ни акцессорным, ни условным. В экономическом смысле новый должник, принимая долг, имеет в виду приобретение от кредитора по исполнению обязательства имущественной ценности – обязательственного права, осуществление которого, однако, может встретить известные трудности. Значит, кумулятивное принятие долга способно негативно сказаться только на интересах нового должника: кредитор по своей воле получает дополнительного должника, первоначальный должник ничего не теряет, новый должник же рискует не получить исполнение от первоначального должника по причине несостоятельности последнего. В связи с этим законодатель счел нужным ограничить свободу кумулятивного принятия долга, допустив подобные договоры исключительно в предпринимательской среде [6. С. 103]³. Отсюда вытекают следующие замечания теоретического и практического свойства:

Во-первых, обязательство нового должника подлежит исполнению на установленных этим обязательством условиях, которые вполне могут отличаться от условий обязательства первоначального должника,

причем не только в части объема имущественного предоставления, но и в иных параметрах исполнения, включая срок.

Соглашением о принятии долга может предусматриваться даже освобождение первоначального должника от исполнения обязательства, пусть и не имеющее для первоначального должника обязательного значения (абз. 1 п. 3 ст. 391 ГК РФ).

Во-вторых, кумулятивным должником может быть принят просроченный долг, обеспечение которого пору-

чительством искажало бы саму природу условного обязательства. Поэтому если субъектами предпринимательской деятельности в обеспечение уже нарушенного обязательства заключен договор поручительства, их юридическую связь надлежит рассматривать как вытекающую из кумулятивного принятия долга. Такой же договор, не связанный с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, противоречит существу законодательного регулирования данного вида отношений, а поэтому является ничтожной сделкой.

Примечания

¹ Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024.

² В данной ситуации регрессное требование к должнику является альтернативой кондикционному требованию к неосновательно обогатившемуся кредитору (п. 2 ст. 366 ГК РФ).

³ В свете изложенного нельзя согласиться с мнением ученых [6. С. 103], которые полагают возможным совершение в том или ином виде кумулятивного перевода долга за пределами предпринимательского оборота.

Список источников

1. Кашников Н.Б. Теоретические конструкции поручительства в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 94–121.
2. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями). Кн. 5: Обязательства. Т. 5. СПб., 1809.
3. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
4. Белов В.А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М. : ЮрИнфоР, 1998.
5. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2006.
6. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 ГК РФ о перемене лиц в обязательстве на основании сделки». Часть 2 // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 3. С. 80–137.

References

1. Kashnikov, N.B. (2015) *Teoreticheskie konstruktzii poruchitel'stva v rossiyskom prave* [Theoretical constructions of surety in Russian law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 6. pp. 94–121.
2. Russian Empire. (1809) *Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt Vysochayshe uchrezhdennoy Redaktsionnoy komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya (s ob'yasneniyami)* [Civil Code. Project of the Supremely instituted Editorial Commission for the preparation of the Civil Code (with explanations)]. Book 5. Vol. 5. Saint Petersburg: [s.n.].
3. Ioffe, O.S. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 3. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
4. Belov, V.A. (1998) *Poruchitel'stvo. Opyt teoreticheskoy konstruktzii i obobshcheniya arbitrazhnoy praktiki* [Surety. Experience of theoretical construction and generalization of arbitration practice]. Moscow: YurInfoR.
5. Novitskiy, I.B. (2006) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General doctrine of obligation]. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Statut.
6. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. (2018) *Kommentariy k Postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21 dekabrya 2017 g. № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozheniy glavy 24 GK RF o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki»*. Chast' 2 [On certain issues of applying the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation based on a transaction. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 54 of December 21, 2017. Part 2]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF*. 3. pp. 80–137.

Информация об авторе:

Груздев В.В. — д-р юрид. наук, профессор департамента права Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Gruzdev, Dr. Sci. (Law), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2024;
одобрена после рецензирования 26.11.2024; принята к публикации 31.01.2025.*

*The article was submitted 12.10.2024;
approved after reviewing 26.11.2024; accepted for publication 31.01.2025.*